

М. Кляйнеберг, М. Кайзер

«ЕВРАЗИЯ» — ФАНТОМ ИЛИ РЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ РОССИИ?

В статье сопоставляются два различных значения понятия «Евразия», которые обычно друг с другом не соотносятся. С одной стороны, Евразия и евразийство — ключевые слова в политико-идеологических дискуссиях о российской идентичности и судьбе России после развала Советского Союза. С другой, среди социальных ученых возникает скромная, основанная на эмпирических исследованиях дискуссия, о реальном движении России на Восток, о ее включении в более широкое евразийское пространство. На этом фоне авторы задаются вопросом о том, могут ли идеологические и политические концепции, сформулированные новыми евразийцами, послужить интерпретативной моделью, облегчающей понимание и объяснение фактического развития России в сторону Евразии. Не питая иллюзий, авторы приходят к выводу о том, что современные евразийцы далеки от выполнения такой функции. Их геополитическое и геостратегическое мышление мешает им увидеть эмпирические явления, которые укоренены не во властных конфликтах по поводу зон географического влияния, а в реальных социальных, экономических и этнических изменениях российского общества.

Одно из занятий, которому интеллектуалы и публицисты современной России предаются с большим увлечением, — это поиск адекватных самоописаний для бывшей огромной империи, которая после распада Советского Союза кажется потерянной и дезориентированной. При этом жалуются на всеобщий вакуум из-за отсутствия объединяющих идей, которые могли бы дать внутренний стержень стране после краха марксистско-ленинского проекта развития общества. При этом складывается впечатление, что призыв к поиску таких объединяющих руководящих концепций и самоописаний становится громче по мере того, как фактическая идеологическая раздробленность плюралистического российского общества делает невозможным выполнение этого замысла. Тем не менее до сих пор безуспешные попытки создания таких концепций единства, по-видимому, не привели к прекращению поисков национальных мифов [1]. В этих дебатах привлекает внимание участие представителей социальных наук и политологов.* Представители общественных наук в теме будущего и идентичности России, очевидно, нашли себе поле деятельности, которое должно помочь им преодолеть потерю статуса, связанную с распадом научной инфраструктуры. Это видно, например, в случае с так называемой «культурологией», схематичной и эклектичной псевдонаукой, триумфальное шествие которой в российских университетах и книжных магазинах обеспечивает условия для научного выживания многих бывших преподавателей марксизма-ленинизма. Однако здесь проявляется еще одно обстоятельство: очевидно, что институционализация социальных наук еще не продвинулась достаточно далеко для того, чтобы специализация и репутация исследователей определялась внутренними правилами научного сообщества. Как показали на примере

* Создавших соответствующие печатные органы, в частности, журнал «Acta Eurasicа».

политологии Стыков и Вильго, в России «развитие “академической культуры” <...> направляется преимущественно внешними системами референции», к которым относятся, в первую очередь, партийно-политические и государственные заказы, а также правила привлечения внимания популярных (а не научных) СМИ [2, S. 53 и след.]. С близостью к коммерческим и партийным учреждениям, занимающимся политическим консалтингом, связано преимущественно нормативное понимание науки, из-за чего дискуссии и столкновения зачастую основываются не на различных научных подходах, а соотносятся с политико-идеологическими течениями. С этим также связано то, что понятия и концепции редко разрабатываются на основе эмпирических данных. Поэтому политические дебаты (именно по таким масштабным темам, как государство, нация, общество) чаще всего обходятся без эмпирических доказательств и явно тяготеют к спекулятивным выводам [Ibid., S. 52].

Все это имеет место и в политических дебатах, которые уже давно ведутся вокруг ключевых понятий «Евразия» и «евразийство». С середины 1990-х гг. понятие Евразии стало неотъемлемой составляющей политического дискурса в России. В качестве само собой разумеющейся величины, это понятие появляется в выступлениях и аналитических работах публицистов, интеллектуалов и политиков, которые пытаются с его помощью описать настоящую и будущую роль России в мировой политике, ее внешнеполитическую миссию и не в последнюю очередь ее особую «идентичность». Будучи слабо связанным с историческими корнями этой концепции, которые уходят в эмиграцию 20-х гг. прошлого столетия, сегодняшнее евразийство выступает за общий поворот к геополитическим и геостратегическим способам рассмотрения, которые должны дать представление о положении России в посткоммунистическом мировом порядке. В этом смысле понятие Евразии обозначает главным образом нормативную категорию, которая используется в работах в рамках политико-идеологических дебатов о самопонимании России, причем вкладываемое в эту категорию содержание каждый раз разное и отчасти даже противоречивое [3, S. 50 и далее; 4; 5].

Наряду с этим, также в 1990-е гг. утвердился другой способ использования понятия «Евразия». Переименование или учреждение целого ряда социально-научных журналов и газет на международном рынке явно указывает на то, что представители социальных наук все чаще приписывают данному понятию аналитически-описательные функции*. Совершенно очевидно, что все большее распространение находит гипотеза о том, что Евразия представляет собой не только географическую величину, но и обозначает специфическое гео- и социокультурное пространство, которое может выступать в качестве точки пересечения совершенно различных исследовательских стратегий. Несмотря на явную популярность данного понятия, все же отсутствуют критерии того, что должно оправдать обозначение понятием Евразии географического пространства, которое охватывает Россию и страны Центральной Азии, а также отчасти прилегающие регионы Западной Европы и территории азиатско-тихоокеанского региона [6].

В данной статье мы хотели бы соотнести две точки зрения на современное евразийство — *эмпирическую и политико-идеологическую*. Сначала мы рассмот-

* В качестве примера можно назвать следующие издания: Europe-Asia Studies (бывшие Soviet Studies); Eurasian Studies Yearbook; Acta Eurasica; Eurasian Studies; Slavic Review (подзаголовок: American Quarterly of Russian, Eurasian and East European Studies); Bibliographic Guide to Slavic, Baltik and Eurasian Studies; The Modern Encyclopedia of Russian, Soviet and Eurasian Literatures (раньше: The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet Literatures). Также это понятие все больше распространяется через Интернет, что видно на примере информационного сервера www.eurasianet.org.

рим постсоветские дебаты вокруг евразийцев и евразийства в России. При этом в большей степени, чем во многих других исследованиях, мы обращаем внимание на внутреннюю неоднородность концепции евразийства, которая не ограничена изначально моделью обращенной в прошлое националистической политики, но в принципе открыта и прагматичным способам интерпретации — которые, однако, явно не смогли утвердиться в современных дебатах. Затем необходимо ответить на вопрос о том, действительно ли Россия в последнее время стала «более азиатской». Несмотря на то, что однозначное представление об этом пока отсутствует, уже наблюдаются определенные тенденции подобного «расширения России на восток». Но главное, что это расширение уже не следует исключительно традиционному пути закрепления за государственной властью определенных территорий и ресурсов, но скорее должно рассматриваться как комплексное взаимодействие разнообразных тенденций общественного, экономического, политического и культурного развития. Представление о том, что евразийство может адекватно осмыслить вытекающие отсюда проблемы для политической культуры страны и перевести их в соответствующие реальности модели интерпретации, кажется нам спорным, и мы намерены обосновать свое мнение в данной статье.

Место Азии в исторических интерпретациях России

Отношение России к Азии всегда было амбивалентным. В ходе начатой в XVI в. экспансии российского государства на восток треть территории Азии перешла во владение страны, которая по своей истории и самовосприятию была европейской.* И в эпоху царизма, и при коммунизме восприятие Азии имело своим источником программы и идеологии (империализм в XIX в., марксизм-ленинизм в XX в.), которые были неотъемлемыми элементами европейской культуры того времени [7, р. 978]. И хотя движение славянофилов в XIX в. развивало ярко выраженное представление о географических и культурных особенностях России как страны, расположенной между Европой и Азией, с этим ни в коей мере не было связано повышение значимости азиатской культуры или же ее предпочтение перед европейской культурой.

Появившееся в 20-х гг. XX в. евразийство также относилось к Азии амбивалентно. Это направление мысли, созданное представителями элиты российской эмиграции, справедливо считают продолжением теории славянофилов [3, р. 52; 8]. Как и они, представители раннего евразийства в своих размышлениях опирались на критику западной модели прогресса и связанной с ним идеи индивидуализма, которой они противопоставляли сильно романтизированные представления о надындивидуальном организме, состоящем из народа и государства. Отрицание универсалистских способов мышления, которые рассматривались как характеристики европейской культуры, соединилось с релятивистским образом культуры и истории, параллельно с которым возникало представление о специфическом «культурном единстве Евразии» [9, S. 58]. Ядром этой евроазиатской культуры должна была стать Россия, которая, согласно этой идее, представляет собой нечто третье, что не относится ни к Европе, ни к Азии. Но в этом пункте, в утверждении, что Россия занимает особое место между континентами, евразийцы того времени были более радикальными, чем их предшественники-славянофилы (ср. [10, P. 13 и далее]). Если последним в качестве основы российской культуры виделось единство всех славянских народов, то евразийство основывалось на более

* Отчасти этим объясняется то, что дискуссии о Евразии чаще всего ведутся вокруг азиатской части России, которая, очевидно, гораздо сильнее нуждается в объяснении и легитимации, чем европейская часть.

или менее широко понимаемом национальном этносе. Россия евразийцев — это сепаратный культурно-исторический комплекс, который не просто совпадает с территорией поселения славянских народов, но обозначает пространство с совершенно особенными географическими, этническими, историческими и социально-экономическими характеристиками. К неотъемлемым составляющим этого мира представлений принадлежала идея векового процесса гомогенизации, в результате которого возникло что-то вроде евразийского «плавильного котла».* Российское общество представлялось евразийцам как многоэтническое образование, которое совершенно особым образом объединяло русско-славянские, финноугорские, татаро-тюркские и монгольские элементы в новую антропологическую величину [10, р. 15]. И хотя с этой точки зрения евразийство, по сравнению с его национально-консервативными предшественниками, было гораздо «более азиатским» (даже само включение Центральной Азии в образ России было для славянофилов XIX в. невозможным), было бы неправильно делать отсюда вывод о новой, положительной оценке азиатской культуры. Напротив: характерным признаком евразийского движения оставалась идея особого положения России, для которого равная удаленность от Европы и Азии имела определяющее значение.**

Неоевразийство 1990-х гг.

Именно эта идея — ядро российской идентичности образует «нечто третье» — способствовала популярности неоевразийства 90-х гг. прошлого века. Возрождение евразийской идеи произошло на фоне смены направления, которое имело место во внешней политике России в начале 1990-х гг. Если вначале администрацией Ельцина руководили либеральные силы, которые были заинтересованы в тесном сотрудничестве с североатлантическим альянсом, то вскоре возобладали установки, требующие критического отношения к Западу и решительного отхода от политики НАТО [3, р. 68 и далее]. В политике заключения союзов эта смена сопровождалась увеличением значимости партнерских отношений в Азии (Китай, Индия, отчасти также Япония) и на Ближнем Востоке (прежде всего Иран), в то время как в политической риторике все чаще наблюдалось обращение к собственной силе и величии России. Во многих отношениях евразийство 1990-х гг. предоставило идеологическую программу для этих перемен во внешней политике России. Его центральная идея — идея особого политико-культурного положения России, которое не может быть измерено ни в западноевропейских, ни в азиатских масштабах — легитимировала отказ от североатлантических экспериментов и одновременно с этим обосновывала более уверенное поведение по отношению к азиатскому Востоку. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что вокруг этой основной мысли существуют (или существовали) абсолютно различные интерпретации евразийства, что не позволяет говорить о какой-либо законченной политической программе. Для понимания политической культуры России важно обратить внимание на внутренние разделения, которые пронизывают лагерь создателей критических по отношению к Западу интерпретаций. Далее

* Понятие «ассимиляционный котел» восходит к вышедшей в 1931 г. в Париже работе К.А. Чхеидзе [цит по: 10, р. 15] и очень напоминает категорию *советского народа* из официальной советской идеологии.

** В этой связи примечательным является тот факт, что такой теоретик, как Всеволод Иванов, который во второй половине 1920-х гг. разработал идею основанного на спиритуалистическом прославлении государства *азийства*, хотя и учитывался евразийцами, но не причислялся ими к их движению [11, р. 134].

мы подробнее рассмотрим это на примере евразийства. На примере трех вариантов концепции мы покажем, что вначале умеренные и открытые миру интерпретации за прошедшие годы утратили свое значение и сменились все более сужающимися, опирающимися на национализм и стремление к гегемонии толкованиями.*

1. Для нового евразийства начала 1990-х гг. было характерно обращение к экономической проблематике. Требование изменения политики и перехода от западных альянсов к восточным было в значительной мере обусловлено экономическим подъемом в странах Азии, в котором должна принять участие и Россия, если она не хочет потерять доступ в мировую экономику. Решающим обстоятельством здесь является то, что вместе с этой аргументацией в евразийское мышление впервые проникли прагматические аспекты, которые были абсолютно незнакомы раннему евразийству. Правда, было сформулировано требование, чтобы Россия утвердилась на мировой политической арене как всерьез воспринимаемый актер, но адекватные средства для этого искали уже не столько в классических сферах — военной политике и контроле над ресурсами, сколько в успешном участии в конкуренции за рынки и товары [7]. Свое конкретное выражение эта установка нашла в попытках создать новую экономическую коалицию с процветающими соседями на Востоке, а именно с Китаем и Японией, что могло бы принести выгоду в первую очередь Сибири, которая богата природными ресурсами, но долгое время находилась в запустении. Так, отказываясь от националистических и изоляционистских тонов, о себе заявило *умеренное евразийство*, которое приписывало России функцию посредника между Азией и Европой. Следующая характеристика этого варианта евразийства — это признание им полиэтничного общества. В особом географическом положении на пересечении двух континентов евразийцы усматривают возможности обогащения культуры страны, которая особым образом объединяет в себе традиции и образы жизни различных народов. Здесь можно проследить отголосок идей классического евразийства, теоретики которого полагали, что именно в соединении славянских и туранских элементов сумеют различить особенность культуры России. Но поскольку умеренное евразийство решительно отказывается от всех тенденций национально-культурного протекционизма, оно еще сильнее, чем его ранние предшественники, подчеркивает плюралистический характер евразийской модели общества. Не отграничение от многообразия существующих культур, а творческое усвоение чужого опыта и традиций — вот правильный ответ на проблемы и соблазны, с которыми сталкивается Россия [5, S. 215 и след.]. В этой связи важны размышления Александра Панарина, который ставит вопрос о возможностях интеграции полиэтничного общества. Наряду с требованием последовательного применения принципа свободы от насилия, в работах Панарина можно встретить идею «рациональной аскезы» как надежного средства регулирования конфликта в многонациональной России: «Возрождение великого многонационального государства в Евразии невозможно без

* К особенностям дебатов вокруг евразийства относится то, что под их эгидой сосуществуют зачастую не связанные между собой, гетерогенные образцы интерпретаций. Круг участвующих в них создателей интерпретаций также лишь очень приблизительно можно соотносить с определенными общественными группами: журналисты и публицисты в той же степени относятся к ним, как и политики и ученые — и они могут меняться ролями. В литературе по этой теме практически нет попыток упорядочить этот необозримый дискурсивный ландшафт (некоторое исключение представляет собой работа Ионина [5]). Выделяемые здесь варианты понятий представляют собой подобную попытку упорядочивания, поскольку они объединяют отдельные, неоднократно встречающиеся позиции в типичные образцы мышления.

героической жертвенности. Великое государство предполагает, прежде всего, отказ от этноцентризма и ксенофобии со стороны русского народа и отказ от сепаратизма со стороны других народов» [5, S. 216]. Этот призыв к рефлексивному самоограничению и сдержанности в отношениях между этническими общностями является как бы внутривосточным дополнением экономического прагматизма, который пронизывает мнения умеренных евразийцев в вопросе о положении России в мировом сообществе государств. В обоих случаях речь идет об отклонении заложенных в русской истории элементов восточного авторитаризма и деспотизма, «с характерным для них тотальным государственным регламентированием общественной жизни и стремлением к унификации» [Ibid., S. 215 и след.]. Не самоизоляция унифицированного евразийского сообщества, а распространение азиатских и европейских элементов в российском обществе, которое мыслилось изначально как открытое и плюралистическое, — так можно сформулировать идеал умеренных и прагматичных евразийцев.

Тем не менее нельзя не учитывать тот факт, что этот вариант евразийства представлен лишь фрагментарно. Отсутствуют подробные формулировки и убедительная общая концепция. Кроме того, эта позиция отягощена серьезной проблемой, на которую обращает внимание Ионин: поскольку представители умеренного евразийства, очевидно, озабочены тем, чтобы отграничиться от националистических и авторитарных евразийских идей и подвести под свои представления рациональную демократическую основу, постепенно становится непонятно, чем, собственно, их позиция отличается от либеральных позиций так называемых «западников» и их концепций модернизации России [5, S. 217]. Возникает вопрос: каковы вообще шансы на успех у попытки либерализации направления, которое уходит своими корнями в антилиберальную и антирационалистическую критику цивилизации 20-х гг. XX в.? Для умеренных евразийцев речь также идет в конечном итоге «об образовании специфической цивилизации, с собственным кодексом, собственным культурным стилем, собственным “духом времени”» [5, S. 216] — но в чем именно состоит эта декларируемая особенность русской цивилизации и как она соотносится с также постулируемой открытостью по отношению к культурным влияниям со стороны, остается неясным. По-видимому, именно с подобными открытыми вопросами и апориями связано то, что значение позиции умеренных евразийцев явно уменьшилось. В сегодняшнем дискурсе о евразийском будущем России на первый план вышли «более жесткие», опирающиеся на властно-политическую аргументацию варианты концепции.*

2. Существенные аспекты умеренного евразийства, как можно понять при изучении последних работ об этих дебатах, стали составной частью позиции, которую можно назвать этатистским евразийством [3, р. 63 и след.; 13, S. 10 и далее;]. Как и в положениях умеренного евразийства, здесь также прослеживается прежде всего ярко выраженный экономический прагматизм, который видит в растущих азиатских рынках новые возможности для российской экономики. Отношение к западной системе ценностей критическое, но это не исключает однозначного принятия капиталистических реформ экономики и стремительной модернизации страны. Также происходит отказ от выражения чувства культурного превосходства над Западом. Но самым важным в этатистском варианте евразийства является то, что в нем в центр внимания ставятся геополитические размышления, рассматривающие Россию как евразийскую великую державу. После дистанцирования от североатлантического направления внешней политики прошлых лет бу-

* Об обозначении «жесткое евразийство» ср.: [12].

дущее России помещают уже не в общеевропейский контекст, где она была бы вынуждена играть подчиненную роль, а на азиатский Восток, где скорее представится возможность вернуть себе статус одного из главных акторов мировой политики. Особая роль по отношению к азиатским соседям рассматривается как средство, позволяющее заново достигнуть положения великой державы. Используемая раньше метафора моста между континентами здесь отходит на задний план; вместо нее появляется притязание на роль гегемона в евразийском пространстве. Сеть евразийских международных отношений должна служить тому, чтобы создать противовес европейско-атлантической системе и одновременно избежать изоляции России между этой системой и Pacific Rim. Но и здесь важно, чтобы не классические инструменты внешней и военной политики, а экономические методы, в частности разработка ресурсов и открытие новых рынков, стали основой господствующего положения России. В этом также проявляется прагматическая черта этатистского евразийства, которое обладает достаточной гибкостью для того, чтобы признать, что даже такая великая евразийская держава, как Россия, зависит от включенности в глобальные коммуникационные и торговые отношения*. В своем отношении к демократии этатистский вариант, по сравнению с умеренным евразийством, гораздо сильнее подчеркивает особый путь России, который отчетливо отличается от западноевропейских концепций демократии [1, S. 331 и след.]. Исходным пунктом здесь является убеждение, что в России, в отличие, например, от США или Великобритании, практически нет либеральных традиций, и поэтому ей не следует преодолевать этатистскую политическую систему. Скорее, сильное государство рассматривается как гарант безопасности и стабильности, которое одно в состоянии держать под контролем глубокие общественные изменения. С момента вступления Владимира Путина на должность Президента, эта позиция является как бы официальной позицией правительства по вопросам внутренней государственной политики, и ее с готовностью высказывают, например, на официальном сайте правительства Москвы (www.pravitelstvo.gov.ru). С отказом от либеральной демократии и одновременным прославлением авторитета Президента, очевидно, должен был произойти отход от попыток политических реформ, которые отвергались как принципиально чуждые российскому обществу**. Еще рано судить о том, в какое конкретное направление оформятся эти пока декларативные представления. Тем не менее, более радикальные, явно деспотические позиции, которые также высказываются в рамках евразийских дискуссий, пока не нашли отражения в официальной правительственной риторике.

3. Некоторые элементы этатистской версии евразийства сегодня появляются в утрированной, радикальной форме в правом крыле политического спектра России. Здесь в последние годы все большее внимание к себе привлекает вольный союз интеллектуалов, публицистов и политиков, который открыто провозгласил цель расширения *национально-консервативного евразийства*. Выразителем идей этой группировки, которая торжественно именуется себя «Евразийским движением», является Александр Дугин, столь же неумный, сколь блестящий представи-

* Показательна в этой связи речь, которую произнес Президент России Путин осенью 2002 г. на форуме стран АПЕК. Притязания ведущей европейской державы были умело соединены им с рядом долгосрочных экономических проектов сотрудничества со странами азиатско-тихоокеанского региона [www.strana.ru, 13.11.2000: Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной].

** Такую же оценку дает Хайнеман-Грюдер [1, S. 332]: «Со вступлением Путина на должность Президента антисоветская и антигосударственная фаза трансформации, очевидно, заканчивается». В частности, эта тенденция развития нашла свое выражение в недавно принятом введении прежней советской государственной символики

тель геополитических направлений мысли в современной России. После того, как он в начале 1990-х гг. выражал свои идеи на страницах экстремистской газеты «День» (впоследствии переименованной в «Завтра»), после провалившейся попытки путча в 1991 г. он основал собственный печатный орган под названием «Элементы», который предоставлял возможность публикации в первую очередь «новым правым» Европы (о Дугине см. Financial Times от 2.12.2000). Между тем Дугин опубликовал большое количество работ на тему Евразии, которые распространяются в том числе через Интернет (www.arctogaia.com). Здесь, наряду с библиографическим указателем и различными ссылками, можно найти так называемый «Манифест евразийского движения», который под примечательным названием «Евразия превыше всего» представлен, помимо русского оригинала, также на английском, итальянском и немецком языках.

Исходным пунктом представленного здесь варианта евразийства является эксплицитная связь с евразийскими идеями элиты русской эмиграции 1920-х гг. Ядром этого направления считается антизападный проект модернизации, к которому должна присоединиться сегодняшняя Россия, если она хочет вернуть себе былое величие и мировое значение. Заслуга ранних евразийцев в том, что они соединили радикальный отказ от мирского рационализма западного происхождения с пониманием необходимости особого российского пути развития — позиция, которую можно выразить лозунгом «модернизация без вестернизации».* Ноевразийство в том виде, в каком его представляют Дугин и его соратники, конкретизирует идеи своих предшественников, доводя диффузный антизападный настрой до последовательного антиамериканизма. США рассматриваются как «мировой монстр», который стремится к «американизации России и всего мира» с помощью западной цивилизации и либерализма. Соответственно, Европа уже считается не «источником мирового зла» *per se* (эту роль теперь играют только США), а скорее запутавшимся политическим образованием, которое Россия должна освободить от его атлантического окружения: «Евразийская Россия должна выступить в роли освободительницы Европы от американского господства, на этот раз от американской политической, экономической и культурной оккупации». Чтобы сегодняшняя Россия могла выполнить эту функцию освободителя от американского господства, она должна вернуть себе статус великой державы. Очевидно, что здесь имеется в виду возрождение Советского Союза: предполагаемый «Евразийский Союз» как «аналог СССР на новой идеологической основе и на новой экономической и административной базе» должен обеспечить России положение мировой державы, которое необходимо укрепить с помощью стратегических альянсов по «оси Москва — Тегеран — Дели — Пекин».

В отношении внутренней интеграции евразийское движение в качестве основы предполагает полиэтничное сообщество, в котором представлено «цветущее многообразие народов, религий и наций». Но при этом не остается сомнений в том, что внутри этого сообщества, которое должно основываться на разнообразии и взаимном согласовании интересов, русская нация занимает особое положение: «Без возрождения русской нации у евразийского проекта нет шансов на осуществление». Эта русскоцентристская точка зрения связана с антииндивидуалистическими и антилиберальными концепциями интеграции, которые опираются на непоколебимое господство традиционных коллективных ценностей. «Принцип коллективного, общинного хозяйствования», характерный для российской истории, противопоставляется «либерально-капиталистическим», основанным на «личном

* Эта и все последующие цитаты взяты из так называемого «Манифеста».

обогащении» экономическим моделям Запада — однако при этом не дается ответа на вопрос, как можно достичь материально-технической модернизации России без заимствования этих с отвращением отвергаемых моделей. Именно здесь, в этом предпочтении общины перед требованиями индивидуальной защиты и представительства, наиболее отчетливо проявляются параллели с этатистским евразийством. В обоих случаях имеется представление о демократии, которая исходит преимущественно от государства и — не гарантируя гражданских прав — как бы соглашается с возможным переходом в авторитарный режим.

Сложно оценить значение этого во многих отношениях экзальтированного варианта евразийства в рамках полного спектра евразийской дискуссии. Сам Дугин полагает, что он оказывает значительное влияние на определение евразийских позиций сегодняшнего российского правительства. По крайней мере, об этом говорит тот факт, что его мнения регулярно публикуются на страницах проправительственного сервера strana.ru. Также то обстоятельство, что Дугин является официальным советником председателя Государственной Думы Геннадия Селезнева, указывает на хорошие отношения с властью. В этой связи в ближайшее время можно ожидать роста популярности дугинских тезисов среди тех, кто принимает политические решения. Во всяком случае, состоявшийся в конце апреля 2001 г. в Москве учредительный конгресс «Евразийского движения» привлек к себе большое внимание (см. «Московские новости» от 1–14.05.2001).

Россия — евразийская цивилизация?

Евразия — это не просто изобретение кружка российских интеллектуалов и близких им политических акторов. Геополитические и геокультурные изменения, которые произошли после распада Советского Союза на территории между Азией и Европой, в последние годы все больше попадают в поле зрения международных социологических исследований. При этом увеличивается количество работ, в которых анализируется рост экономических, социальных и культурных переплетений в этом регионе, и для этого используется — хотя и с чисто описательными намерениями и без каких-либо идеально-нормативных коннотаций — понятие «евразийство». В действительности ряд эмпирических факторов указывает на евразийскую тенденцию развития [6]). Старые и новые транспортные системы позволяют возникнуть широким зонам пересечения Азии и Европы, в которых постоянный поток не только денег, товаров и людей, но и образцов восприятия и идей ставит под сомнение существование традиционных политико-географических и социолингвистических границ. Разнообразные социальные связи формируют стабильные сети, часть из которых имеет большую протяженность. В ходе этого процесса происходит устойчивое смешение материальных и социальных величин во всех возможных контекстах, включая развитие пространственных концепций. При этом «материальное» нагружается различными значениями, в которых отражаются изменения, вызванные экспансией рынка на разных уровнях. Так, товары приносят с собой специфические потребительские установки глобальной экономики, которые должны быть помещены действующими субъектами в новый контекст. В итоге возникает представление о социально-пространственной интеграции, в которой в равной мере представлены глобальные процессы и сохранение локальности.

Процесс евразийской интеграции можно рассматривать в нескольких измерениях [6]). Так, например, в сфере экономики и транспортных путей можно наблюдать явное увеличение оборота международной торговли, что позволяет неко-

торым авторам говорить о возобновлении легендарного «шелкового пути», который в прежние времена соединял Китай и Европу. При этом более формальной организационной интеграции предшествуют неформальные экономические процессы. Так, в Центральной Азии после распада Советского Союза наблюдался всплеск челночной торговли между странами. В Узбекистане, например, почти 80 % товаров, импортированных челноками из-за границ СНГ, были вывезены из Азии. С расширением экономического сотрудничества тесно связано и развитие в области *культуры и религии*. После того, как в 1990 г. впервые в истории советско-арабских отношений для мусульман Центральной Азии было организовано паломничество в Мекку (хадж), с этого момента — параллельно с преодолевающей границы торговлей — стал складываться преодолевающий границы транснациональный ислам, который простирается от Центральной Азии через Иран и арабские государства вплоть до Малайзии. В рамках этой трансмусульманской сети религиозные лидеры — в основном мусульмане, которые совершили хадж — своими знаниями часто способствуют формированию новых локальных мусульманских идентичностей. Именно включенность локальных религиозных институтов в транслокальные мусульманские связи, которые обнаруживаются в первую очередь в Центральной Азии, может служить показателем специфической религиозной формы евразийской интеграции [14; 15]. Но какое место занимает Россия в этом складывающемся образе Евразии?

1) Экономическое развитие можно проследить прежде всего на примере Дальнего Востока России [16]. Экономическая интеграция Дальнего Востока России в экономические процессы азиатско-тихоокеанского региона может рассматриваться как индикатор присоединения России к Евразии. В этом регионе расположена большая часть российских запасов сырья, в частности каменного угля, природного газа, железной руды и древесины. Россия постоянно ссылается на это еще практически не использованное богатство ресурсов, чтобы подчеркнуть экономическое значение и потенциал развития этих областей. После распада Советского Союза в экономике этого региона сложилась напряженная ситуация. Увеличение стоимости транспортных перевозок привело к ослаблению связей с европейской частью страны, что привело к заметным нарушениям в обычном товарообмене (поставка сырья за ввоз продуктов питания и потребительских товаров). В итоге возросла значимость экономических и торговых связей с приграничными государствами, в частности с Китаем, но также с Японией и Южной Кореей. В результате в начале 1990-х гг. произошло значительное расширение российско-китайской приграничной торговли*. Но уже через некоторое время это развитие резко пошло на убыль. Несмотря на благоприятную для обмена, взаимодополняющую структуру двух регионов (дальневосточный регион России может экспортировать природные ресурсы и технику и импортировать из северо-западного региона Китая потребительские товары и продукты питания) в 1994 г. объем российско-китайской торговли сократился на 34 %. Правда, с того времени ситуация уже изменилась к лучшему (в 1998 г. объем торговли составил 5,48 млрд. долларов), но до намеченной в середине 1990-х гг. российским и китайским правительством цели — 20 млрд. долларов — еще по-прежнему далеко [17, p. 93].

Если искать причины отсутствия более интенсивного экономического сотрудничества с азиатско-тихоокеанским регионом, то к хорошо известным, встречающимся и в остальных регионах России негативным условиям, таким, как от-

* На челночную торговлю в 1993 г. приходилось более двух третей общего объема российско-китайской торговли в размере 7,68 млрд. долларов (ср. [17, P. 92]).

сутствие правовых гарантий, недостаточное законодательное обеспечение налогообложения, преступность и коррупция, добавляется еще одно обстоятельство: ввиду исторически сложившихся предубеждений и настороженного отношения (ресентимента) при регулировании постсоветских отношений с Китаем как в приграничных регионах России, так и в Москве стали преобладать традиционные, оборонно-политические мотивы. Обусловленный демографическими диспропорциями вдоль российско-китайской границы страх перед «китаизацией» российского Дальнего Востока превратился в препятствие для более последовательного использования имеющихся возможностей сотрудничества [16, S. 15; 17, p. 95 и след.]. Так, в середине 1990-х гг. боязнь того, что может произойти массовая иммиграция китайцев (которая, кстати, не имела под собой никаких реальных оснований), привела к ужесточению визового режима, что в приграничных городах сопровождалось еще и массовыми погромами. В таких мерах (как и в отрицательном отношении к корейским переселенцам из Центральной Азии) проявляется чрезмерное внимание к интересам национальной безопасности, негативное влияние которого на развитие внешнеэкономических связей очевидно.* Между тем, многие наблюдатели полагают, что об экономической интеграции российского Дальнего Востока в азиатско-тихоокеанский регион не может быть и речи [16–18]. При этом именно эти внешнеэкономические ограничения, наложенные самой Россией, существенно препятствуют тому, чтобы Россия выполняла функцию моста между Европой и Азией в экономической сфере.

2) Вопрос о развитии транспортных путей, к которым, наряду с автомобильными и железными дорогами и воздушными коридорами относится также разветвленная сеть нефте- и газопроводов, также обращает внимание на отношение России к странам Центральной Азии [19; 20]. После распада Советского Союза Россия была вынуждена смириться с тем, что ее внешнеполитическое влияние «на юге» существенно уменьшилось, что наиболее явно выражается в экономических показателях. Нарушение торговых связей на национальном уровне с новыми независимыми государствами на юге России лишь отчасти компенсируется развитием внешнеэкономического сотрудничества между отдельными регионами (например, между Сибирью и северными регионами Казахстана). Стремление стран Центральной Азии к большей независимости от сверхмощной России привело к диверсификации их внешнеполитических и внешнеэкономических связей. Это развитие нашло отражение не в последнюю очередь в возникновении новой сети транспортных путей, которые в недалеком будущем могут образовать «евразийский коридор», причем в обход России [21]. Так, различные проводимые по инициативе ЕС программы (например, начатая в 1993 г. программа «Трасеса»: Transport Corridor Europe-Caucasus-Asia) нацелены на развитие торговых путей, которые должны стать альтернативой контролируемым Россией экспортным маршрутам. В то время как Трасеса занимается классической транспортной сетью (автомобильные и железные дороги, порты), вокруг использования запасов нефти в Каспийском регионе между несколькими государствами разгорелся спор, который лишь на поверхностном уровне обусловлен чисто экономическими интересами. При этом вопрос о сооружении новых трубопроводов перерос в новую геополити-

* Вакер [16, S. 15] в качестве примера рассматривает экономический проект, который серьезно пострадал в том числе и из-за политических соображений со стороны России. Это поддерживаемая ООН зона развития Тимен в треугольнике Россия — Китай — Северная Корея. Первоначально она задумывалась как крупный центр транспорта, сферы услуг и промышленности, но фактически до сегодняшнего дня его поддерживала только китайская сторона.

тическую «большую игру», в которой участвующие инвесторы из США, Европы и Китая совместно со своими партнерами из Центральной Азии следуют стратегии нарушения монополии России на транспортировку нефти из Казахстана. Реакция российских предприятий в области энергетики на это вполне прагматична: они стараются наладить экономические контакты в более широком географическом пространстве, что видно на примере инициированных в значительной мере ЛУКОЙлом российско-азербайджанских соглашений о нефтедобыче (1993 г.), а также различных других проектов строительства трубопроводов [19, S. 12; 21].

Может ли преследование таких преимущественно коммерческих целей повлиять на международные планы создания «евразийского коридора» — это зависит от того, удастся ли российской политике осуществить переход от властно-политической к «прагматической» линии [19, S. 12 и след.; 20, р. 3 и след.]. В настоящее время Россия, по-видимому, хочет компенсировать потерю влияния «на юге» с помощью классических инструментов: опирающейся на власть военной политики и политики безопасности — самым ярким доказательством этого служит новая война против Чечни. В действительности в большинстве стран Центральной Азии еще заметно военное присутствие России, и одновременно с этим вооруженные силы этих государств в значительной степени зависят от российского вооружения и подготовки военных кадров в российских образовательных учреждениях. Однако это стратегическое присутствие, к которому Россия — по крайней мере, отчасти — сама себя принудила, стоит ей не только огромных финансовых затрат. Ввиду того, что в центрально-азиатском регионе усиливается скептическое отношение к наднациональным структурам, созданным по модели СНГ, а также значительно возрастает разнообразие внешних связей, наблюдатели все чаще усматривают в политике России, опирающейся преимущественно на власть и вооруженные силы, основное препятствие на ее пути к достижению большего влияния в этом усложняющемся ландшафте государств.

3) Особое значение для самопонимания евразийцев имеет отношение к исламу. Соприкосновение православных восточных славян и мусульманских этнических, история которого исчисляется веками, является одной из основных составляющих представления о специфической евразийской цивилизации. Если с этой точки зрения рассматривать позицию ислама в современной России, то картина получится достаточно дифференцированная (ср. [22; 23]). Ислам в Российской Федерации является второй после православия религией по числу верующих. Тем не менее понятие «мусульманин» используется в очень неопределенном значении, оно детерминировано скорее этнически, чем религиозно, т. е. включает, как правило, представителей мусульманских национальностей (татар, башкир, кавказцев), которые лишь условно причисляют себя к религиозной общине мусульман. В связи с этим различаются данные о числе мусульман в России: где-то между 8,5 и 21 млн. Тем не менее можно исходить из того, что после распада Советского Союза в России произошло «возрождение ислама», если под этим понимать восстановление исламских общин и институтов [22]. При этом Россия также внесла свой вклад в развитие, которое она смогла увидеть только после падения «железного занавеса», а именно в исламизацию Европы или европеизацию ислама. «Такие страны, как Босния, Албания, Татарстан, и мусульманские общины России прочнее, чем прежде, вошли в европейское сознание, мусульманские страны СНГ вступили в ОБСЕ» [22, S. 20].

Однако было бы ошибочно делать из этого вывод о специфической культурной форме евразийской интеграции России. Ведь ислам в современной России имеет много граней, которые не могут быть просто объединены *одной*, в частно-

сти «евразийской» интерпретацией. Так, прежде всего необходимо учитывать этнорегиональные различия, которые привели к возникновению большого разнообразия мусульманских культур. Если в некоторых регионах Северного Кавказа (в первую очередь в Дагестане) можно встретить исламский традиционализм, основанный на этнокультурной множественности, то мусульмане в Поволжье (в частности, в Татарстане) создали движения модернизации и объединения, которые представляют собой результат векового взаимного влияния Европы, России и мусульманских обществ [22, S. 20; 23]. Кроме того, в возрождении ислама присутствуют как интегративные, так и дезинтегративные тенденции. Так, большинство мусульман считают своим *ватуном* (Родиной) многонациональную и многоконфессиональную Россию и положительно относятся к сохранению постсоветского государственного единства. В то время как политический вес антирусских националистических движений в целом относительно небольшой, отделение Чечни и в особенности ответные военные действия центральной власти препятствуют интегративным движениям среди российских мусульман. Наконец, различные дискурсы вокруг ислама, имеющие место в российских СМИ и политической публицистике, также способствуют неоднозначной форме проявления ислама в России. С одной стороны, можно наблюдать вполне серьезное изучение исламского измерения России, которое стремится дать ему реалистичные оценки. Как в российской прессе, например, в журнале «Россия и мусульманский мир», так и в мусульманской периодике, например, «Ислам Минбаре» («Трибуна ислама»), сегодня публикуются статьи о российско-мусульманских отношениях и культурном обмене между русской культурой и исламом. С другой стороны, существует усиливающаяся (особенно в ходе чеченских войн) исламофобная тенденция, которая проявляется в неоднократных предупреждениях об угрозе «исламского фундаментализма» и в мрачном сценарии «экспансии юга». Пока еще невозможно установить, включены ли мусульманские общины России в транснациональный ислам, который, как представляется, возникает в первую очередь в Центральной Азии. Пока отсутствуют исследования международных связей российских мусульман, которые бы также учитывали все многообразие форм проявления ислама в России.

«Евразийская» Россия — дискуссия о фантоме

Евразийский дискурс как часть национального самопонимания в постсоветской России и эмпирическое изучение якобы или действительно возникающего образования под названием «Евразия» в настоящее время практически не связаны между собой. С одной стороны, те, кто называют себя евразийцами, не сильно обеспокоены эмпирическим обоснованием своих тезисов, с другой стороны, в соответствующей исследовательской литературе не требуется нормативно-идейного представления о том, что обозначает понятие Евразии. Предпринятая нами попытка сравнить две эти перспективы в действительности показывает, насколько удалены друг от друга эти способы употребления понятия Евразии и как мало способствует пониманию современных процессов развития, в частности, программно-политическая дискуссия. При сравнении с результатами эмпирических исследований (которые могли быть представлены в данной статье лишь фрагментарно), дискуссии российских публицистов, политиков и интеллектуалов о Евразии представляются дискуссией о фантоме, которая не затрагивает того, что существует в действительности. Прежде всего, это дискуссия о фантоме в том смысле, что ее само собой разумеющийся исходный пункт — а именно, евразий-

ская Россия — если и существует, то лишь как рудимент. Россия, как нам представляется, не входит или входит лишь на второстепенных позициях в Евразию, очертания которой можно сегодня распознать. Но евразийцы не могут адекватно отразить современные тенденции развития еще в другом, более широком смысле. Ведь именно признаки, указывающие на возможную «евразияцию» России, как бы они ни были скрыты, вряд ли могут рассматриваться с помощью мыслительных шаблонов евразийского мировоззрения — и это в принципе относится ко всем трем вышеописанным вариантам евразийства. Ограниченная небольшим пространством приграничная кооперация, прагматичное преследование экономических интересов или процессы религиозно-этнической интеграции, а также связанные с ними изменения в релевантных образцах интерпретации и восприятия — все это не попадает в поле зрения, если исследуются преимущественно властно-политические и геостратегические параметры. Здесь становится заметным происхождение евразийской дискуссии из возрождающейся в современной России геополитики. Политика здесь понимается как постоянная борьба за власть между государствами, которые, в зависимости от тех или иных природно-географических условий постоянно стремятся к расширению зон своего влияния. Общественное развитие, которое протекает вне государственно-властной арены, не находит отражения в подобной «исследовательской программе». Следовательно, вряд ли можно ожидать от евразийцев формирования адекватной действительности точки зрения на место России в мире, который становится одновременно глобальным и региональным.

Перевод с немецкого К.Г. Тимофеевой

Литература

1. Heinemann-Grüder A. Russlands Babel. Zum Repertoire nationaler Mythen // Blätter für deutsche und nationale Politik. 2001. № 3.
2. Stykow P., Wielgohs J. Einführung // Oswald I., Possekel R., Stykow P., Wielgohs J. (Hg.) Sozialwissenschaft in Russland. Bd. 1. Analysen russischer Forschungen zu Sozialstruktur, Eliten, Parteien, Bewegungen, Interessengruppen und Sowjetgeschichte. Berlin, 1996.
3. Smith G. The Post-Sovjet States. Mapping the Politics of Transition. London, 1999.
4. Ignatov A. Geopolitische Theorien in Russland heute. Bericht des BIOst 1998. № 15.
5. Ionin L. Geopolitische Diskussionen in Russland. Zivilisationstheoretische und ethnosozologische Aspekte // Oswald I., Possekel R., Stykow P., Wielgohs J. (Hg.) Sozialwissenschaft in Russland, Bd. 2. Analysen russischer Forschungen zu Sozialstruktur, Wählerverhalten, Regionalentwicklung, ethnischen Konflikten, Geopolitik, nationalen Interessen und Sowjetgeschichte. Berlin, 1996.
6. Evers H.-D., Kaiser M. Two Continents, One Area: Eurasia // Preston P.W., Gilson J. (Hg.) The European Union and East Asia (в печати).
7. Kerr D. The New Eurasianism: The Rise of Geopolitics in Russia's Foreign Policy // Europe-Asia Studies. 1995. № 47.
8. Ignatov A. Der «Eurasismus» und die Suche nach einer neuen russischen Kulturidentität. Die Neubelebung des «Evrazijstvo»-Mythos // Bericht des BIOst 1995. № 12.
9. Böss O. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1961.

10. Bassin M. Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space // *Slavic Review*. 1991. № 50.
11. Shlapentokh D. V. Eurasinism. Past and Present // *Communist and Post-Communist Studies*. 1997. № 30.
12. Timmermann H. Die Außenpolitik Russlands. Ausdruck der Suche nach einer neuen Identität. Bericht des BIOst 1993. № 20.
13. Alexandrova O. Auf der Suche nach außenpolitischen Alternativen: Die «Dritte Welt» in den russischen Vorstellungen. Bericht des BIOst 1996. № 31.
14. Kaiser M. Translokale Zivilgesellschaft im postsovjetschen Vergesellschaftungsraum // Schrader H., Glagow M., Gavra D., Kleineberg M. (Hg.) *Russland auf dem Weg zur Zivilgesellschaft? Studien zur gesellschaftlichen Selbstorganisation in St. Petersburg*. Hamburg, 2000.
15. Kaiser M. Formen der Transvergesellschaftung als gegenläufige Prozesse zur Nationalbildung in Zentralasien // Horstmann A., Schlee G. (Hg.) *Integration durch Verschiedenheit. Lokale und globale Formen interkultureller Kommunikation*. Bielefeld, 2001.
16. Wacker G. «Ein Anzug zum Hinwachsen». Russland im asiatisch-pazifischen Raum. Bericht des BIOst 1999. № 38.
17. Wishnik E. Russia in Asia and Asians in Russia // *SAIS Review*. 2000. № 20.
18. Buszynski L. Russia and Northeast Asia: aspirations and reality // *The Pacific Review*. 2000. № 13.
19. Halbach U. Moskaus Südpolitik. Russland und der Westen im Kaspischen Raum. Bericht des BIOst 1999. № 30.
20. Jonson L. *Russia and Central Asia. A New Web of Relations*. London, 1998.
21. Radvanyi J. Die neue Seidenstraße führt an Russland vorbei. Der Westen knüpft in Mittelasien ein geostrategisches Transportnetz // *Le Monde Diplomatique / die tageszeitung/WoZ*, Juni 1998.
22. Halbach U. Der Islam in Russland. Bericht des BIOst 1996. № 34.
23. Wina B. *The Islamic Factor in Russia*. St. Petersburg (неопубликованная рукопись).